

А. Ф. Киселев,
Российская академия образования

Чаадаев и чаадаевщина

П.Я. Чаадаев

В истории российской общественно-политической мысли особняком стоит фигура Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856) – весьма неординарного философа, высказавшего столько, мягко говоря, «непопулярных» характеристик России, что их хватило почти на два столетия споров историков и философов о сути его взглядов на место и роль нашего Отечества в мировой истории. Разброс мнений и оценок велик: от апологетики до полного отрицания и даже утверждений «о бреде сумасшедшего».

П.Я. Чаадаев верно заметил, что в то время нашей исторической науке не хватало крупных обобщений по проблемам особенностей истории России. Он взялся восполнить этот пробел с позиций религиозной философии. История, по его мнению, в сущности предопределена Богом, ибо «ни план здания, ни цемент, связавший воедино эти разно-

бразные материалы, не были делом рук человеческих; все совершала пришедшая с неба мысль». Человечество живет по заданному плану, но в его рамках люди обладают свободной волей и могут существенно влиять на ход исторического развития. Две силы двигают историю: сила Бога и воля людей в лице их гениев. П.Я. Чаадаев отталкивается от изречения Паскаля: «вся последовательная смена людей не что иное, как один и тот же постоянно сущий человек». Меняются поколения, но суть их жизни, интересов, вожделений одна и та же, она принимает только различные формы, обособления. П.Я. Чаадаев подчеркивает, что предметом философии истории является не просто человек, а человек, причастный к Богу и несущий в себе «заряд высшего сознания», дарованного Всевышним.

В этих размышлениях П.Я. Чаадаев следует католическо-протестантской традиции. Идея предопределения истории Богом была сформулирована Блаженным Августином еще в раннем Средневековье. Она не оставляла свободы человеку как главному действующему лицу истории. Позже протестанты обосновывали свободу воли человека как одну из активных сил, влияющих на ход исторического развития. Философы французского Просвещения так же проповедовали свободу человека деятельного, ищущего своего места в жизни и нацеленного на преобразование мира.

П.Я. Чаадаев пишет, что грандиозный переворот в истории свершился с «утверждением хри-

стианских истин». Теперь деятельность людей стала осмысленной. Они получили ясный вектор развития, конечную цель – установление Царства Божьего, что стало своеобразным заданием, призывом, смыслом жизни и деятельности людей. П.Я. Чаадаев понимает Царство Божье как мир красоты, истины, блага, совершенства человеческого общества. Идея религиозная, но мечта о ее воплощении вполне светская.

П.Я. Чаадаев уверен, что носителем «христианских ценностей» стала Западная Европа. В силу этого она возглавила человечество. Католичество – западная ветвь христианства – было объявлено П.Я. Чаадаевым магистральной линией цивилизации, а Восток отнесен им к сфере «тупой неподвижности». Все недостатки косного и инертного Востока впитала в себя Россия. Ее культура подражательна, идеи заимствованы в готовом виде, мысль прозябает в спячке. Россия бесцельно бродит по дорогам истории. Она – «исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые вроде бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру». У России, в отличие от Европы, нет своего лица, все размыто, аморфно, в контурах, а не в сложившихся формах. Мы растеряны и способны лишь на подражание другим народам. Наша жизнь – бессмысленное топтание на месте. «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, – пишет П.Я. Чаадаев, – ничего у мира не взяли, мы ни в чем не содействовали движению впе-

АЛЕКСАНДР ФЕДОТОВИЧ КИСЕЛЕВ

доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, член Союза писателей России, видный ученый-историк, организатор образования и учебного книгоиздания. Сфера научных интересов: педагогика, история, философия. Автор более 270 научных трудов

Рассматриваются взгляды известного неординарного философа П.Я. Чаадаева на историю России, ее роль и место в мировой истории. Приводятся его размышления об особенностях исторического пути России, которые он преподносит с позиций религиозной философии.

Ключевые слова: история, философия, религия, христианство, наука, жизнь, мысль, ценности.

The article considers the views of the famous unorthodox philosopher P. Y. Chaadaev on the history of Russia, its role and place in world history. Are his reflections on the peculiarities of Russia's historical path, which he presents from the standpoint of religious philosophy.

Key words: history, philosophy, religion, Christianity, science, life, thought, values.

ред человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили». В общем, ничемная, забытая Богом страна.

Эти и многие другие мысли П.Я. Чаадаев изложил в «Философических письмах», одно из которых было опубликовано в журнале «Телескоп» в 1836 году. За эту публикацию журнал закрыли, а его издателя Н.И. Надеждина сослали в Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар). П.Я. Чаадаеву приписали «помешательство рассудка», взяли подписку «ничего не печатать» и установили над ним врачебный и полицейский надзор, который вскоре был снят. Н.И. Надеждина наказали гораздо тяжелее, чем автора скандальной статьи. П.Я. Чаадаев был родом из старинной дворянской семьи и имел связи в придворных кругах, что и сказалось на мере наказания, которое носило порицательный, а не репрессивный характер.

Когда читаешь П.Я. Чаадаева, складывается такое впечатление, что он чем-то обижен, раздосадован и раздражен. В силу этого у него нет и намек на объективность, стройную аргументацию и логику. Взрыв эмоций... Как мыслитель П.Я. Чаадаев формировался под влиянием европейской философии. Он – библиофил, собрал библиотеку, насчитывающую более пяти тысяч томов. Путешествовал по Европе: посетил Лон-

дон, Брайтон, Париж, Флоренцию, Венецию, Верону, Рим, Мюнхен. Европейская культура увлекала и поражала своей красотой и динамизмом. С другой стороны, нам представляется, что П.Я. Чаадаев судил о России по «образованному обществу», элите, в кругу которой он воспитывался и жил. Действительно, здесь нельзя было найти свежих мыслей, поэтому копировались чужие. То в моде были философы французского Просвещения, то немецкие или английские мыслители. Их идеи усваивались поверхностно, скорее как дань моде, а не в силу стремления к их глубокому осмыслению. Это было общество «полуобразованных людей», упивавшихся достижениями европейской культуры. Их пороки П.Я. Чаадаев распространяет на всю Россию и пишет о ее бесцельном бытии. Писатели, критиковавшие «русских европейцев» – Д.И. Фонвизин и А.С. Грибоедов, не связывали их ущербность со страной в целом. Для П.Я. Чаадаева эти «полуобразованцы» стали портретом Отечества.

В те же годы, когда писались «Философические письма», П.Я. Чаадаев (1828–1830 год) общался с запиской к всесильному главному жандарму империи графу Бенкендорфу. В ней он выступает с иных позиций. П.Я. Чаадаев отмежевывается от декабристов и подчеркивает пагубность

их мечты – перенести на российскую почву европейские политические порядки, которые «возникнув из совершенно чуждого нам общественного строя, не могут иметь ничего общего с потребностями нашей страны». Более того, западные политические теории «противоположны требованиям великой нации, создавшей себя самостоятельно, нации, которая не может удовлетвориться ролью спутника в системе социального мира, ибо это значило бы утратить все начала силы и жизнениности, которые являются основой бытия народов». Задача заключается в том, «чтобы из нашего собственного запаса извлечь те блага, которыми нам в будущем предстоит пользоваться».

Из сказанного трудно определить, где П.Я. Чаадаев искренен: в «Философических письмах», в которых Россия представлена ненужной человечеству страной, или в записке Бенкендорфу, где говорится о величии России и запасы ее собственных живительных сил для динамичного развития. Очевидно, что писать в уютном кабинете в доме на Басманной одно, а делиться своими взглядами с грозным Бенкендорфом – другое. Впрочем, не будем обвинять П.Я. Чаадаева в трусости. Он – боевой офицер 1812 года, гвардейский ротмистр в отставке.

А.С. Пушкин написал замечательный ответ П.Я. Чаадаеву. Интерес к русской истории А.С. Пушкин проявлял всегда, но в отличие от многих писателей, обращавшихся к историческим сюжетам, он работал как историк-профессионал: не только изучал труды ученых, архивные документы, свидетельства очевидцев, но и критически осмысливал их. Именно поэтому так точны и оригинальны его мысли. А.С. Пушкин уверен, что у России «свое особое предназначение». Дремлющая, по характеристике П.Я. Чаадаева, Русь спасла от монгольского нашествия европейскую цивилизацию,

и католическая Европа была избавлена от «всяких помех».

Не согласен А.С. Пушкин и с утверждением П.Я. Чаадаева, что исток, из которого Русь черпала христианство, был «нечист», а «Византия была достойна презрения». Поэт пишет о том, что нравы Византии не прижились в Древней Руси, а русское духовенство «никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве». Нравственно Русь была чище, и ее побуждение к единству было вовсе не случайно, а готовилось напряжением всех сил страны, освободившейся от монгольского ига, а намного позже нашей развязку Смутного времени в избрании на Земском соборе царя, положившего начало новой династии; страны, сумевшей, опираясь на лучшие качества своих больших и малых народов, превратиться в могучую державу, с которой считаются во всех концах света. Разве это не героическая история? «А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж (Чаадаев участник войны 1812 года, был в рядах русской армии, вступившей в Париж. – *Примеч. авт.*)? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что порадует будущего историка?» – писал А.С. Пушкин. Забудут ли потомки, что именно Россия сорвала планы Наполеона на мировое господство? Видимо, спасти «просвещенную Европу» стало уделом «темной России». Только, к сожалению, у европейцев короткая память, и они продолжают смотреть на нее свысока. Так было в прошлом, так есть и в настоящем.

А.С. Пушкин видит много недостатков на родной земле и среди них даже такие, которые оскорбляют его гражданские чувства.

Он согласен с Чаадаевым в том, «что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние». Но, несмотря на это, «клянусь честью, – продолжает великий поэт, – ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Он убежден, что неуважение к прошлому есть первый признак невежества и безнравственности.

П.Я. Чаадаев, как и А.С. Пушкин, восхищается Петром I. Однако он утверждает, что Петр писал историю России с «белого листа». Именно с него начинается подлинная история страны. Петровские преобразования стали возможными по причине того, что до Петра страна жила бесцельно, а «традиции были бессильны создать ее будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно». Сказалась привычка послушно следовать за государем, тем более что в нашем прошлом, – утверждает Чаадаев, – не было ничего, о чем можно было сожалеть. В России каждая новая идея заимствована, а история каждого народа не только вереница «следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей. Именно этой истории мы не имеем. Мы должны привыкнуть обходиться без нее». У России нет истории, памяти, а значит, нет и исторических перспектив.

Чаадаев утверждает, что мир исконно делится на две части – Восток и Запад. Но это не просто географическое разделение, а «две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода». Для Востока характерна сосредоточенность в себе, для Запада – открытость и динамизм развития. На Востоке «покорные умы» истощились и «уснули замкнутые в

своем неподвижном синтезе». На Западе лучшие умы шли «гордо и свободно», устремляя взор в будущее. В этом кардинальная разница между сонным Востоком и бодрым, деятельным Западом. П.Я. Чаадаев отвергает патриотизм, который стремится перечеркнуть труды Петра и принизить цивилизационную роль Европы в преобразовании России. Он патриот, но не умеет и не хочет «любить свою родину с закрытыми глазами, преклонной головой, запертыми устами». Время «слепых влюбленностей прошло», и мы обязаны говорить родине правду. «Я, – подчеркивает П.Я. Чаадаев, – люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь из нас многие дельные умы».

Замечательные слова, справедливые и нужные! П.Я. Чаадаев открывается с другой стороны – как человек страдающий, непонятый современниками. Он одинок в своих исканиях, своей правде и своих заблуждениях. Однако в патриотизм П.Я. Чаадаева не верится, ибо патриотизм основывается на любви к Родине, а не на презрении к ней. Историософия П.Я. Чаадаева – не от великого гнева, порожденно-го великой любовью, а от великого презрения. Не об исцелении Родины он ведет речь, а об ее обличении и изгнании из цивилизации.

Впрочем, П.Я. Чаадаев вносит некоторые коррективы в свои рассуждения. Он пишет, что «только в силу покорности стали мы великим народом. Но справедливость требует также признать, что, отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость, так как он признал этим высший закон своих судеб: необычайный результат двух элементов различного поряд-

ка, непризнание которого привело бы к тому, что народ извратил бы свое существо и парализовал бы самый принцип своего развития». Тем самым П.Я. Чаадаев признает, что русский народ правильно выбрал свою роль и место в государстве, которые диктовались природно-географическими, политическими и геополитическими условиями его бытия. Мысль, безусловно, верная, как и его утверждение, что «святое семя» созревало в России разумно и естественно. «Во время, когда по всему Западу носилась проповедь церкви честолюбивой, когда там умы вооружались друг против друга за свои страстные убеждения и народы шумно подвизались на неверных, – пишет П.Я. Чаадаев, – тогда мы в тихом созерцании питались одною святою молитвою; не спорили о сущности учения Христова, не помышляли оружием обращаться во мраке бродящих народов, на отлученных братьев глядели с любовью и в скромном сознании своей немощи принимали своих верховных пастырей из рук царей просвещенной Византии». На Руси церковь освящала власть, а на Западе католическая церковь, напротив, боролась за власть. В России свет святости был ярче, чем в Европе. Налицо корректировка взглядов П.Я. Чаадаева в пользу православия, сыгравшего исключительную роль в истории России.

Притягательной оказалась мысль П.Я. Чаадаева о том, что Россия имеет огромный скрытый, нереализованный потенциал и что социально-экономическая отсталость России может для нее однажды обернуться историческим преимуществом. Н.А. Бердяев видел в этом утверждении последовательное выражение «русской мессианской идеи». Философ К.Н. Леонтьев, основываясь на этой мысли П.Я. Чаадаева, писал даже о необходимости «подморозить Россию», затормозить ее движение, чтобы она не повторяла ошибок далеко зашедшего по

пути прогресса Запада. В определенной степени к мыслям П.Я. Чаадаева близки те, кто обосновывал идею некапиталистического движения России к социализму.

Интерес к П.Я. Чаадаеву вызван тем, что он мыслитель той поры, когда русская философия только зарождалась. В его творчестве обозначилась едва ли не центральная проблема научных изысканий отечественных философов и историков – осмысление особенностей исторического пути России, ее места в мире, взаимоотношений и взаимодействия с Европой. В униженной характеристике России П.Я. Чаадаев не оригинален. Он следует европейской традиции. «С давних пор отшлифовывался взгляд на сомнительность русско-го христианства, варварство и богопротивность его обрядов, отступничество русских, подлость их натуры, раболепие и деспотизм. На начало 30-х годов XIX века падает небывалый взрыв руссофобии в Европе», – писал в середине XX века философ Н.П. Ильин, жестко критиковавший П.Я. Чаадаева, который не сумел, попав за границу, подобно А.И. Герцену понять, что «они нас ненавидят от страха». П.Я. Чаадаев нападал не на российские порядки и извращения, а на саму Россию, которую, вероятно, презирал. Тем самым закладывалась печальная традиция негативного восприятия частью нашей интеллигенции истории и культуры своей страны.

Об этом писал археограф П.В. Кириевский (не путать с И.В. Киреевским): «Эта проклятая Чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одну-единственную премудрость, которая... отзывается по несчастью во многих, не чувствующих всей униженности этой мысли... мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше

злых плодов, нежели добрых. Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства – беспамятность; что нет ни высокого дела, стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости – без национальной памяти».

«Чаадаевщина» – не случайность, не «выверт» честолюбивого мыслителя. Она выражает устойчивую тенденцию части интеллигенции презрительного отношения к своей стране. Эта тенденция проявляется сегодня в нестройном хоре псевдолибералов, поющих осанну Западу и посылающих проклятия в адрес своей Родины. Впрочем, слово «родина» происходит от вечного понятия «род», и те, кто ее унижает, люди без рода и племени, духовные изгои. С тоской предателя в глазах правды не скажешь.

Чаадаев рассматривает Россию как страну, далекую от европейской культуры, развивающуюся вне европейской цивилизации. Однако, по нашему мнению, отличительной чертой России можно считать то, что в историко-культурном отношении она не противоположна Западу, а имеет с ним одни корни: христианство, а также этническую агломерацию, сложившуюся в результате Великого переселения народов. Поэтому Россия – другое «Я» Западной Европы в том же самом смысле, в каком Византийская империя была *alter ego* Великой римской империи германского народа, а Константинопольская патриархия являлась «своим иным» папского престола. Удивительно, но эта глубинная взаимосвязь породила не взаимную терпимость, а ожесточенное противоборство Запада с Россией и попытки вытолкнуть ее за пределы европейской цивилизации. Разумеется, сказываются геополитические стремления европейцев к тотальному доминированию в мире, которому мешает Россия.